

Юлия Беринг

Легенда ЖЕСТОКОГО НАСЛЕДНИКА

Ты вылил мой суп мне на голову
перед всей академией!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого наследника.
Ты вылил мой суп мне на
голову перед всей академией!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты вылил мой суп мне на голову перед всей академией! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я мечтала стать шеф-поваром и спасти отца от долгов. Но на экзамене богатый наследник ресторанной империи Денис Вольский даже не попробовал мой суп. — Помои! — объявил он перед всей академией и вылил горячий бульон мне на голову. Меня лишили стипендии. А Денис предложил сделку: он оплатит долги отца, если я стану его послушной помощницей. Он унижал меня, заставлял работать до крови и присваивал мои рецепты. Но однажды я поняла: без моего таланта его рестораны обречены! Теперь богатая соперница украла мой блокнот, а впереди главный кулинарный конкурс. Я заставлю их попробовать вкус собственного поражения. И верну себе имя перед всеми!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника.

Ты вылил мой суп мне на голову перед всей академией!

Глава 1

Таймер на плите мигает красным, как сердцебиение после забега. Третья минута. Шестьдесят секунд до финального свистка.

Мои пальцы горят. Пар от кастрюли с бульоном обжигает тыльную сторону ладоней, оставляя бледные волдыри под тонкой кожей. Я не чувствую боли. Чувство притуплено адреналином и страхом. Страхом не перед пламенем, а перед пустотой в кошельке отца. Перед тем, как кредиторы вынесут из их квартиры мебель, а он решит, что лучше лечь в реку, чем платить за мою ошибку.

В «Лансуа» даже остатки масла сметают в мусор раньше, чем они успевают прогоркнуть. Я смотрю на золотистую полоску у края своей кастрюли и думаю, сколько завтраков из неё вышло бы дома. Хромированные столы отражают лампы; на моём фартуке видно каждое пятно. Ася Ковалёва, девочка с грантом для «небогатых талантов», должна сегодня накормить людей, которым неудобно признать, что они голодны. Я хочу остаться здесь. Добраться до этих плит, этих продуктов, научиться всему, на что дома у нас никогда не хватит денег. И уж точно не дать им выставить папе счёт за мою мечту.

— Сервируй! — голос шефа-администратора Громова бьет по ушам, как хлыст. — У тебя тридцать секунд, Ковалёва! Если тарелка будет кривой на миллиметр, ты не сдашь экзамен. Ты просто умрешь от стыда. Или от холода на улице. Как повезет.

Я сглатываю ком в горле. В голове шумит. Руки дрожат так сильно, что краешек керамической тарелки звенит о поверхность стола.

В Лансуа требуют идеальной геометрии. Гренку надо обрезать так, чтобы ни один угол не выступал. А мне нравится именно угол: туда впитывается чесночное масло, он громче хрустит. Су-вид и эмульсии я хочу освоить, не меньше остальных. Только не понимаю, зачем ради них притворяться, что бабушкин суп был ошибкой. Мой преподаватель говорил: «Еда — это наука». Хорошо. Пусть сначала попробуют мой опыт, а потом ставят двойку.

Я смотрю на свой суп. Rustic-style. Домашний бульон из костей, которые я варила всю ночь, пока остальные спали. Гренки, обжаренные на сливочном масле с чесноком, рваные, неровные. Свежая зелень, которую я нарвала утром в парке академии, потому что тепличная микрозелень стоила мне половины месячной стипендии.

Это не красиво по стандартам Лансуа. Это грязно. Это бедно.

Но это лучшее, что я умею.

Я беру половник. Жидкость переливается через край, горячая и густая. Я добавляю гренки сверху, позволяя им частично погрузиться в бульон. Я не выравниваю края. Я не украшаю цветками из моркови. Я просто ставлю тарелку перед комиссией.

Тишина падает на кухню. Тяжелая, вязкая тишина, в которой слышно только шипение остывающих конфорок.

Я поднимаю глаза.

У стены стоит Денис Вольский.

Он не входит в официальную комиссию. Он сын владельца сети ресторанов «Вольский Групп», самый богатый студент курса, капитан команды студентов и человек, которого боятся даже преподаватели. Его взгляд холодный, пронизывающий, словно скальпель. Он держит в руках блокнот, но ничего не пишет. Просто смотрит. На меня. На мои руки, все еще влажные от пара. На мое лицо, которое, я уверена, сейчас выглядит жалко.

Рядом с ним, скрестив руки на груди, стоит Кира Мельникова. Дочь декана. Идеальная Кира. Она шепчет своим подругам, стоящим позади нее, достаточно громко, чтобы я услышала:

— Смотри, как она дрожит. Будто никогда нож в руке не держала. Бедняжка. Даже сервировать нормально не может. Пахнет... дешевым луком и отчаянием.

Кира улыбается, и я вдруг замечаю на её идеально белом рукаве крошку. Отвести бы взгляд от этой крошки. Я ведь сейчас запомню её лучше, чем собственную подачу. Кира ждёт, когда я начну оправдываться за лук. Не дожждётся: именно лук дал бульону сладость, которую я собирала всю ночь.

Мое сердце колотится где-то в горле. Я хочу опустить голову. Спрятаться. Исчезнуть. Но если я опущу голову сейчас, они увидят слабость. А слабые в Лансуа не выживают. Слабых выбрасывают.

Я выпрямляю спину. Медленно. Ощущая, как хрустят позвонки от напряжения. Поднимаю подбородок. И встречаюсь взглядом с Денисом.

Его глаза темные, почти черные. В них нет злости. Там есть скука. Холодный интерес энтомолога, рассматривающего жука, который пытается ползти вверх по стеклу.

— Ваше блюдо, — говорю я. Голос срывается, хриплый. Я откашливаюсь и повторяю тверже: — Бульон «Ностальгия». С домашними гренками и свежей зеленью.

Комиссия молчит. Три профессора смотрят на тарелку. Один из них приподнимает ложку, изучает консистенцию. Другой нюхает. Они не пробуют. Они оценивают.

Денис делает шаг вперед. Его обувь — дорогие итальянские лоферы, безупречно чистые — цокает по кафелю. Этот звук кажется оглушительным в мертвой тишине зала.

Он останавливается напротив моей тарелки. Наклоняется. Нюхает. Его лицо не выражает ничего. Ни отвращения, ни любопытства. Только пустоту.

— Это что? — спрашивает он тихо. Так тихо, что приходится напрягать слух.

— Суп, — отвечаю я. — Традиционный рецепт.

Денис выпрямляется. Смотрит на меня сверху вниз. Он выше меня на голову. От него пахнет дорогим табаком и холодом.

— Традиционный? — он усмехается. Эта усмешка кривит его губы, делая лицо страшным. — Ты называешь традиционным то, что выглядит как содержимое помойного ведра?

По залу прокатывается смешок. Кто-то из студентов за спиной Киры фыркает.

— Это концепция, — пытаюсь объяснить я, чувствуя, как щеки горят жаром унижения. — Это простота вкусов. Честная еда. Без искусственных загустителей, без сложной техники.

— Честная еда? — перебивает Денис. Его голос становится резким, как битое стекло. — Это не еда, Ковалёва. Это мусор. Помои нищего, которые кто-то решил подать королю. Ты оскорбляешь кухню своим мусором. Ты оскорбляешь место, где учатся люди, способные создать искусство.

Мои руки сжимаются в кулаки под фартуком. Ногти впиваются в ладони. Боль помогает не расплакаться. Не упасть.

— Вы даже не попробовали, — шепчу я.

— Мне не нужно пробовать дерьмо, чтобы понять, что оно воняет, — отрезает Денис.

И тогда он делает то, чего никто не ожидал. Даже я.

Денис берет мою тарелку. Аккуратно, двумя руками. Я вижу, как бульон колыхнется внутри керамики. Золотисто-коричневая жидкость, в которой плавают мои гренки, моя надежда, моя жизнь.

Он поднимает тарелку над головой.

Все ахают. Профессора вскакивают со своих мест.

— Денис, что ты делаешь?! — кричит один из них.

Но он не слушает. Он смотрит мне прямо в глаза. В его взгляде теперь есть что-то новое. Ярость? Нет. Решимость. Жестокость, которая кажется ему оправданной гигиеной.

— Ты хочешь честности? — говорит он. — Вот твоя честность.

Он переворачивает тарелку.

Горячий бульон обрушивается на меня.

Не струйкой. Волной.

Жидкость ударяет в лицо, заставляет меня зажмуриться. Стекает по лбу, попадает в рот, в нос. Я задыхаюсь от запаха лука и жира. Волосы мгновенно слипаются, тяжелые и мокрые, падают на лицо. Гренки падают мне на плечи, скользят вниз, оставляя жирные пятна на белой рубашке формы.

Стоп-кадр.

Я стою посреди кухни. Мокрая. С меня капает. Со мной происходит что-то необратимое. Внутри меня что-то щелкает. Тихий звук ломающейся кости. Или разрывающейся связки.

Зал взрывается смехом. Не дружным, а нервным, визгливым. Девочки смеются, закрывая рты руками. Мальчики свистят. Кира хлопает в ладоши.

— Bravo, Денис! — кричит она, и в ее голосе торжество победителя гладиаторских боев. — Наконец-то порядок! Никакого мусора в нашем доме!

Декан, отец Киры, сидит во главе стола. Он не встает. Он не возмущается. Он смотрит на меня через свои очки с легким раздражением, как на испорченный товар, который нужно вернуть поставщику.

— Экзамен окончен, — объявляет он сухо. — Ася Ковалёва. Результат — неудовлетворительно. Стипендия аннулируется. Условное отчисление до конца недели. Чтобы остаться в академии, тебе нужно написать объяснительную и оплатить штраф за порчу имущества. Хотя... — он кивает на мокрую форму, — пострадали не только твои вещи.

Штраф. За что? За то, что он облил меня?

Я медленно опускаю голову. Капли воды стекают с кончика носа на пол. Кафель отражает мой образ: искаженный, жалкий, мокрый крысенок.

Я не плачу. Слезам негде упасть — они смешиваются с бульоном. Я просто чувствую, как липкая жидкость засыхает на коже, стягивая лицо. Холод пробирается под одежду; меня бьёт мелкая дрожь.

— Идем, — говорит Денис. Он не смотрит на меня. Он уже отвернулся, доставая платок, чтобы вытереть руки. — Нам нужно обсудить условия.

Я не слушаю. Я разворачиваюсь и иду к выходу. Шаги гулко отдаются в тишине, которая снова наступила после смеха. Следы от моих ботинок остаются на полу. Темные, жирные, отчетливые. Как маршрут моего позора.

Раздевалка девушек пустует. Все уже на балу или в барах празднуют конец семестра. Здесь пахнет дезодорантом и чужими секретами.

Я запираюсь в кабинке. Прижимаюсь спиной к холодной стене. Дрожу. Не от холода. От шока.

Телефон в кармане вибрирует. Экран светится сквозь ткань джинсов, промокших насквозь. Я достаю его. Палец соскальзывает с влажного экрана.

Папа.

Я нажимаю кнопку ответа. Голос отца звучит тихо, сорвано. Слышен кашель. Тот самый, старческий, глубокий кашель, который он прячет от меня годами.

— Ась? — спрашивает он. — Ну как? Ты сдала?

Глава 2

Я открываю рот. Хочу сказать: «Да, папа, все хорошо». Но язык не слушается. Вместо слов из горла вырывается сухой хрип.

— Ась? Что случилось? — паника в его голосе растёт. — Скажи что-нибудь. Пожалуйста.

Я сжимаю телефон так, что костяшки пальцев белеют. Смотрю в зеркало напротив.

Оттуда на меня смотрит чужая девушка. Лицо в разводах жира. Волосы прилипли ко лбу. Глаза красные, воспаленные, но сухие. В них нет жизни. Только пустота.

— Я потеряла стипендию, — говорю я. Голос звучит чуждо, механически.

На том конце провода тишина. Долгая, убийственная тишина.

— Кредиторы... — шепчет отец. — Ася, они звонили сегодня. Они сказали, что если мы не внесем первый платеж в понедельник... они придут. Заберут телевизор. Хрусталь бабушки. Может, и дом. Я не могу... я не смогу жить в пустой квартире, где нет ни света, ни тепла.

Его голос ломается.

— Я не хочу быть обузой, дочка. Я боюсь... я боюсь темноты.

Сердце пропускает удар. Потом второй. Третий.

Самоубийство. Он не скажет этого прямо. Но я знаю его. Я знаю, как он сидит на кухне в три часа ночи, глядя в одну точку. Я знаю, как он экономит на лекарствах, чтобы купить мне продукты для практики.

Если я уйду из Лансуа... я убью его. Не напрямую. Но косвенно. Своей слабостью. Своим поражением.

— Ася? — зовут меня из коридора. Голос Дениса. Он нашел меня. Конечно, он нашел меня. Ему нужна жертва, чтобы закрыть сделку, которую он, похоже, уже заключил сам для себя.

Я смотрю в зеркало. Вижу, как капля бульона скатывается по моему виску, смешиваясь с потом и слезами ненависти.

Я провожу пальцем по виску, и жир остаётся на подушечке. Он не попробовал. Из всех сегодняшних гадостей это застревает крепче всего: назвал помоями работу, которую даже не взял в рот. Я заставлю его попробовать. Ничего не объясняя про бедность. Пусть сам ищет слова после первой ложки.

Я стираю рукой жир с лица. Кожа горит. Я смотрю себе в глаза. Глубоко внутрь. Там, где раньше была вера в справедливость, теперь лежит черный уголь обиды.

Хорошо.

Если тебе нужна прислуга, Денис Вольский... если ты думаешь, что можешь играть роль Бога на этой кухне, решая, кто достоин есть, а кто должен вылизывать пол...

Я выпрямляю спину. Поднимаю подбородок. Улыбаюсь своему отражению. Улыбка получается кривой, злой, опасной.

— Я стану твоей самой дорогой ошибкой, — шепчу я в пустоту раздевалки.

И иду открывать дверь.

Голова всё ещё пахла бульоном. Не тем, что варят для гурманов, а тем, дешёвым и мутным, который в академии «Лансуа» считали оскорблением. Я вытирала лицо бумажной салфеткой, но жирные капли продолжали стекать по шее, оставляя на воротнике рубашки пятна, похожие на кровь. Комиссия уже ушла, оставив после себя только тишину и запах озона от вытяжки. Но мне было мало этой тишины. Мне нужна была справедливость. Или хотя бы признание того, что суп был горячим, а не испорченным.

Я ворвалась в кабинет декана так резко, что дверь ударила о стену с оглушительным хлопком. Заведующая кафедрой гастрономии, Валентина Степановна, даже не вздрогнула. Она аккуратно перелистывала страницу отчёта, её очки бликовали под лампой.

— Ася Ковалёва. Выйдите. У вас нет пропуска на приёмную комиссию.

— Он облил меня! — голос сорвался на визг, который я тут же подавила, сжав челюсти до боли. — Денис Вольский. Он взял мою работу и... это не критика, это вандализм. Блюдо было готово идеально. Соль, баланс кислотности, текстура. Почему в протоколе нет ни слова о том, что он сделал?

Валентина Степановна медленно приспустила очки и посмотрела на меня поверх оправы. Взгляд был пустым, как тарелка после обеда.

— Протокол зафиксирован, Ася. Экспертное мнение Вольского имеет вес. Если он говорит, что блюдо «несъедобно», значит, оно таково. Правила написаны кровью победителей, деточка, а не слезами проигравших. Иди.

Валентина Степановна уже надела очки обратно. Для неё разговор закончен; мне ещё нужно пройти коридор, не растеряв лицо. Я считаю двери до туалета. Две. Четыре. Мокрый воротник натирает шею, хочется содрать рубашку и всё, что к ней прилипло. Телефон вибрирует в кармане джинсов. «Папа». У стены туалета я наконец позволяю себе остановиться.

Я прижалась спиной к холодной стене туалета и ответила.

— Ася? Ты там? — голос отца дрожал, трясся, как лист бумаги на ветру.

— Пап, я здесь. Что случилось? Почему ты звонишь в такое время?

— Они пришли сегодня. Коллекторы. Описали телевизор, стиральную машину... всё, что было. Ася, они сказали, если завтра до полудня не будет половины суммы, они придут к тете Люде. К ней нельзя. Она больная, она не переживёт...

— Сколько? — спросила я тихо, хотя внутри всё кричало.

— Сто двадцать тысяч. До завтра. Только половина, чтобы взяли паузу. Ася, прости. Прости, что тяну тебя за собой в эту яму. Я не хотел, чтобы ты училась в этом аду из-за моих долгов. Я лучше... я лучше умру, чем видеть, как ты унижаешься.

Связь оборвалась. Гудки. Я сползла по стене на кафельный пол, обхватив голову руками. Голодные мысли кружились в висках: 120 тысяч. До завтра. Нищета или жизнь. Абстракция бедности превратилась в конкретную цифру, которая жгла глаза. Я поднялась, вымыла руки ледяной водой, глядя на своё отражение. Тушь потекла, кожа стала серой. Я выглядела как призрак.

Дверь туалета открылась, и вошла Кира Мельникова. Идеальная причёска, белоснежная форма шеф-повара, ни единого пятнышка. Она увидела меня и усмехнулась.

— Опять рыдаешь, Ковалёва? Твой спектакль окончен. Весь курс знает, что ты теперь никто. Даже стажер на кухне отказывается мыть твою посуду.

Кира подошла ближе и толкнула меня плечом. Резко, злобно.

— Такие, как ты, должны уходить со стыдом. Исчезни, грязь.

После толчка Кира задержалась, проверяя, получится ли ещё один ролик. Я убрала руки за спину. Ударить её хотелось так, что пришлось упереть ногти в запястья. Она могла позволить себе скандал. У меня до полудня — сто двадцать тысяч, и от моего крика эта цифра не уменьшится. Я смотрела мимо неё на дверь: уйти отсюда нужно самой, пока она не решила, что вытолкнула меня.

Я стояла перед дверью кабинета Дениса Вольского. Закрытая зона власти. Там сидел человек, который только что уничтожил мою репутацию. Внутри всё переворачивалось от ненависти. Я помнила вкус унижения на губах, тепло бульона на макушке. Просить милостыню у палача? Это ломало мой внутренний стержень. Гордая беднячка, которая никогда не кланялась, сейчас должна была склониться. Ради отца. Ради жизни.

Я постучала. Один раз. Второй.

— Войдите.

Кабинет был минималистичным и дорогим. Кожа, стекло, металл. Денис сидел за столом, отвернувшись к окну. Он ел яблоко. Хруст раздавался в тишине, как выстрелы.

— Ася Ковалёва. Не ожидал увидеть тебя живой после экзамена. Обычно те, кого я критикую, либо плачут, либо уходят.

Он не обернулся. Просто игнорировал меня, будто я была пылью на столе.

— Мне нужны деньги. Отсрочка. Пересмотр оценки.

Денис хмыкнул. Он повернул стул, и я увидела его лицо. Холодное, красивое, бесчувственное. Глаза цвета стали.

— Эмоциональная истеричка. Ты думаешь, я интересуюсь твоими слезами? Твой суп был дерьмом. Техническим и вкусовым. Точка.

— Это ложь! — крик вырвался раньше, чем я успела заткнуть рот. — Вы хотите уничтожить меня, потому что я не согласилась быть вашей куклой в первом семестре! Это месть!

Денис резко бросил недоеденное яблоко в мусорную корзину. Звук удара о пластиковую корзину заставил меня замолчать. Его равнодушие было страшнее любой злобы. Он видел во мне не человека, а проблему, которую нужно решить быстро и эффективно.

На стол лег лист бумаги. Плотный, дорогой картон.

— Читай.

Я взяла контракт. Руки мелко тряслись. Текст был сухим, юридически безупречным и отвратительным.

Условия сотрудничества:

1. Статус: Личная тестовая кухня («пробирка») господина Вольского.

2. График: Работа без выходных, круглосуточная доступность.

3. Обязанности: Приготовление и оценка рецептов по указанию господина Вольского.

Полная конфиденциальность.

4. Штрафы: Нарушение условий влечет мгновенное отчисление и публикацию материалов о «профессиональной некомпетентности» студента в СМИ.

— Ты предлагаешь мне рабство? — прошептала я.

— Я предлагаю тебе спасение, — сказал он спокойно. — Ты будешь есть то, что я готовлю. Давать отзыв. Терпеть мои капризы. Взамен я гарантирую, что ты останешься в академии, и твои долги будут закрыты. Я оплачу их сегодня.

Моё тело и мой вкус становились товаром. Меня продавали за еду.

— Почему я? — спросила я, глядя ему в глаза. — У тебя есть другие студенты. Более богатые. Более послушные.

Денис усмехнулся, и в этой усмешке мелькнуло что-то странное. Не торжество, а усталость.

— Потому что ты единственная, кто чувствует правду в еде. Даже если эта правда горькая.

Лицо отца вспыхнуло в памяти. Плачущие глаза, голос, ломающийся на словах «умру».

— Двести сорок тысяч, — сказала я, открывая на телефоне присланные отцом реквизиты. — Сто двадцать сейчас, чтобы они отстали. Но закрыть нужно всё.

— Другие долги есть?

Я показала ему сообщение отца: «Это всё, Ася. Больше никому». Денис переписал номер договора.

Глава 3

Я взяла ручку. Перо скрежетало по бумаге, как нож по кости. Подпись получилась кривой, неровной. Я поставила точку.

Денис забрал листок. Он наконец посмотрел на меня внимательно. В его взгляде не было тепла. Только холодный расчет и легкая брезгливость, словно он держал в руках использованный шприц.

Он набрал сумму в банковском приложении и повернул экран ко мне. Двести сорок тысяч. Получатель — кредитор, назначение — полное погашение по отцовскому договору. Затем пришло сообщение от папы: «Зачислили. Остаток ноль. Они ушли». Я смотрела на сообщение, пока Денис не убрал свой телефон. Папа останется жив. А мне завтра придётся вернуться сюда.

— Завтра в шесть утра. Опоздаешь — контракт аннулируется. Иди.

Я вышла из кабинета, чувствуя себя опустошенной оболочкой. Ноги еле держали. Как только дверь за моей спиной закрылась, я услышала тихий, почти неразличимый голос. Денис говорил вслух, сам себе:

— Наконец-то хоть кто-то ест то, что я делаю, а не то, что модно.

Я задержалась за дверью на полшага. Он только что назвал мой суп дерьмом. Теперь ему вдруг нужен человек, который будет есть его еду всерьёз? От этого хотелось вернуться и ударить листом договора по столу. Но подпись уже стояла. Я пошла дальше, запоминая его фразу. Она пригодится, когда он снова станет рассказывать мне, что чувствовать вкус — моя ошибка.

В общежитии царил хаос. Мои вещи были вывалены из шкафа на пол. Соседки по комнате, две девочки из обеспеченных семей, стояли посреди комнаты и смеялись.

— Грязь уходит, — сказала одна, поправляя сумку Киры, которая лежала на моей кровати. — Кира победила. Мы празднуем.

Они смотрели на меня с презрением и жалостью одновременно. Я не произнесла ни слова. Просто прошла мимо них к своему углу.

В окне напротив отражалась моя фигура. Темная, угловатая, с пятнами на одежде. Я больше не студентка-грантополучатель. Даже любовь к отцу теперь казалась обязательством, которое можно купить. Я — собственность Дениса Вольского. Инструмент. Пробирка.

Завтра я должна прийти к нему голодной. Чтобы начать есть его еду. И дышать его дымом, пока не стану частью этого яда.

Коридор третьего этажа пах дорогим парфюмом и холодным мрамором. Я шла, сжимая в кармане пальто бумажник так сильно, что костяшки побелели. Внутри лежали не деньги — там была пустота, которую я должна была заполнить собой.

Дверь кабинета Дениса Вольского была приоткрыта. Секретарша, женщина с лицом, будто вырезанным из фарфора, подняла на меня глаза.

— Мистер Вольский занят, — её голос был гладким, как лакированная столешница. — Важные дела. Вы не можете войти.

Я не остановилась. Не стала объяснять, просить или умолять. Просто толкнула дверь плечом. Петли скрипнули. Секретарша ахнула, но я уже была внутри, оставив за спиной запах чужого равнодушия.

Лампа на столе Дениса освещала стопку документов, а его лицо оставалось в тени. Я подошла так, чтобы он всё-таки увидел меня. Если он способен распознать лишнюю крупинку соли в соусе, пусть попробует не заметить девушку перед собственным столом. Он продолжал читать. Спина прямая, палец прижат к строке; ни секунды мне в подарок.

— Ты пахнешь страхом, — произнес он, не поднимая головы. Голос был низкий, бархатный и от этого еще более мерзкий. — И дешевым мылом из общежития. Это раздражает.

Мои кулаки сжались до боли. Ногти впились в ладони, оставляя полумесяцы. Хотелось закричать, разбить эту идеальную тишину, швырнуть в него бумажник с долгами отца. Но вместо этого я сделала вдох. Воздух здесь был сухим, кондиционированным, мертвым.

— Ты обещал, что я останусь в академии, — мой голос дрожал, но слова звучали четко. — За мою работу. Если я останусь без жилья и стипендии, ты потеряешь инструмент. А тебе нужен именно этот инструмент. Мой вкус.

Денис наконец поднял глаза. Они были серыми, как зимнее небо над свалкой. В них не было злости, только расчетливый интерес.

— Гарантии? Серьезно? — он усмехнулся, но улыбка не коснулась глаз. — Ты думаешь, я боюсь нарушить обещание?

Он резко встал. Кресло скрипнуло, словно предупреждая об опасности. Денис обошел стол и подошел вплотную. Его присутствие давило физически, заполняя собой всё пространство. Я чувствовала запах его одеколона — сандал и горький грейпфрут.

— Назови цену своей лояльности, Ася, — прошептал он, наклоняясь к моему лицу. Его губы были почти у моего уха. — Что ты готова отдать? Свой язык? Свои секреты? Или просто перестать дышать, когда я скажу?

Шаг назад. Один шаг. Мои каблуки заскользили по паркету, но я не упала. Я посмотрела ему прямо в эти серые бездны.

— Я буду готовить то, что ты скажешь, и молчать там, где ты прикажешь, — сказала я, и каждое слово резало горло. — Но я не буду спать с тобой. И я не буду лгать перед комиссией. Даже если ты приказываешь.

Я ждала ответа про комиссию. Именно про неё, не про постель. Он мог насмеяться сколько угодно, но под блюдом я собиралась ставить своё имя, а не его удобную версию меня.

Денис рассмеялся. Коротко, сухо, без веселья. Он схватил со стола черновик контракта — тот самый, который он подсунул мне накануне. Резкое движение. Ткань бумаги треснула. Он порвал договор пополам, потом еще раз и еще. Обрывки полетели в лицо, как белый снег.

— Устно, — сказал он, отбрасывая клочки. — Бумага оставляет следы. А я люблю чистоту.

Я медленно присела на корточки. Колени затекли, спина заныла. Я начала собирать клочки бумаги с пола. Аккуратно. Подбирая каждый осколок своего достоинства. Кладя их в карман фартука.

— Ты унижаешься, — заметил он сверху.

— Я принимаю правила игры, — ответила я, не поднимая глаз. Ритуал был важнее слов. Ручка двери повернулась. Щелчок.

В кабинет вошла Кира Мельникова. Идеальная прическа, дорогой жакет, улыбка хищницы. Она замерла, увидев меня на полу среди мусора и Дениса, нависающего надо мной.

Её глаза вспыхнули торжеством. Она знала. Она всегда знала, где слабое место.

— Ой, простите! — она изобразила смущение, прижав руку к груди. — Я ошиблась дверью. Денис, нужна ли тебе помощь в... уборке? Похоже, тут кто-то наводит порядок в нижнем этаже.

Денис не смотрел на Киру. Он смотрел на мои руки, собирающие бумагу.

— Выйди, Кира, — приказал он холодно, без интонации и эмоции.

— Но я думала, мы обсудим меню для бала...

— Выйди. Сейчас же.

Кира пожала плечами, её улыбка стала тоньше, как лезвие. Она вышла, прикрыв дверь так тихо, что щелчок замка прозвучал громче удара колокола.

Кира ушла, а Денис даже не спросил, что она успела мне сказать. Его интересовали мои руки и клочки в них. Я спрятала последний кусок бумаги поглубже в карман. Раз ему так нужна чистота без следов, эти следы останутся у меня.

— Первое задание, — сказал Денис, вернувшись за стол. Он снова стал ледяным принцем. — Кухня-лаборатория в подвале. Там был банкет. Жир в сливах, гарь на вытяжке, пятна на полу. Час. Без помощи студентов.

Он посмотрел на часы.

— Начни. Прямо сейчас.

Подвал встретил меня запахом несвежей еды и сырости. Кухня была огромной, залитой грязной водой. На столах стояли горы использованных тарелок, жир лип к рукам.

Я взяла жесткую щетку и ведро с горячей водой. Хлорка ударила в нос, вызывая кашель.

Первые десять минут я просто скребла пол. Мышцы спины горели огнем. Руки краснели от химии и температуры воды.

Не думай. Дыши. Скреби.

Боль стала ритмом. Каждый удар щетки по плитке — это минута жизни, купленная для отца.

Гарь на потолке требовала лестницы. Я забралась, ноги дрожали, но я продолжала тереть. Капли грязи падали на мои волосы, на плечи.

Через полчаса я уже ничего не видела, кроме белого пара перед глазами. Голова кружилась от испарений.

Ты выживешь. Ты сделаешь это.

Я представляла, как Денис смотрит на меня сверху вниз, ожидая слез. Он не получит их. Я превращала унижение в медитацию. Каждое движение было актом сопротивления.

Когда часы пробили последний удар, кухня блестела. Жир был удален. Пол сухой. Я сидела на корточках посреди стерильного пространства, тяжело дыша. Волосы слиплись, форма промокла насквозь.

Дверь открылась. Денис вошел, держа в руке стакан воды.

Он поставил его передо мной. Не протянул. Просто поставил на кафель передо мной.

— Ты выжила, — сказал он ровно.

Я посмотрела на стакан. Вода была чистой. Идеальной.

— Завтра в пять утра, — добавил он, разворачиваясь к выходу. — Если опоздаешь на минуту — останешься без гранта. Ректор любит звонить родителям неудачников.

Он вышел, оставив дверь распахнутой. Сквозняк ударил в спину.

Я взяла стакан. Руки тряслись так сильно, что вода расплескалась на колени.

Выпила залпом. Вкус хлорки и металла смешался с солоноватым потом.

Я поставила пустой стакан на пол: пусть видит, что я взяла эту воду. Денис дал мне час на кухню, куда остальные не спускались после банкета. Я справилась. Он видел сухой пол и вычищенную вытяжку. Завтра он опять найдёт повод назвать меня никем; сегодня мне пришлось сделать за него работу, которую он не мог отменить одним словом.

Я выбралась из подвала, когда снаружи уже начинало светать. Предрассветный холод бил в лицо, очищая голову от тумана. Я шла к общежитию, шаркая мокрыми ногами по асфальту.

Телефон в кармане завибрировал. Один раз. Коротко.

Я остановилась у ворот академии. Достала аппарат. Экран светился тускло в сером утре. Сообщение от неизвестного номера:

«Он не тот, кем кажется. И ты не та, кого он ищет. Беги, пока можешь. — М.»

Пальцы замерли над экраном. М. Максим? Кто ещё может быть М?

Я быстро удалила сообщение, чувствуя, как сердце колотится в висках. Страх смешался с азартом. Игра только началась.

Впереди — новая смена в пять утра. Позади — пропасть.

А между ними — я. Грязная, голодная, живая.

Глава 4

В подсобке было так холодно, что я видела своё дыхание. Сероватые облачка пара таяли в воздухе, прежде чем долететь до потолка с облупившейся краской. Пахло хлоркой, застарелым жиром и чем-то ещё — металлическим, как запах крови из пореза на пальце.

Я замерла в дверях, ожидая крика. Ожидая удара. Готовилась к тому, что Денис Вольский снова будет смотреть на меня так, будто я — помойное ведро, которое кто-то забыл вынести. Но он даже не поднял глаз.

Стоя спиной ко мне, он аккуратно срезал тонкие пластинки трюфеля. Нож блеснул в полумраке, движимый хирургической точностью. Ни единого лишнего движения. Ни единого вздоха в мою сторону.

— Я здесь, — сказала я. Голос прозвучал чужим, сдавленным.

Денис молча указал пальцем вглубь помещения. Там, у раковины, возвышалась гора грязной посуды: сковороды после стейков, противни с пригоревшим соусом, бокалы со следами губной помады. Потом он просто ушёл. Дверь хлопнула так, что звенящие бокалы на полке дрогнули, грозя сорваться вниз. Тишина стала громче любого крика.

У раковины стояли сковороды с жиром по краям. Я потянулась к верхней, и стопка поползла. Здесь даже посуда требовала сначала разобраться, кто на ком держится. Денис показал пальцем — и оставил меня со всем этим. Я проверила, куда поставить вымытое: падения бокалов ему будет мало, чтобы унижить меня ещё раз.

Руки дрожали. Не от страха, а от голода. Я не ела с обеда, когда Кира демонстративно забрала у меня последний батончик мюсли, назвав его «кормом для грызунов». Желудок сводило судорогой каждый раз, когда я наклонялась к раковине. Холодная вода обжигала кожу, но боль была единственным доказательством того, что я всё ещё жива.

Фарфоровая тарелка скользнула в мыльной пене. Я попыталась поймать её, но пальцы онемели. Звук разбивающейся керамики эхом разнесся по пустой кухне. Один осколок отлетел к моим ногам. Второй — к стене.

Денис вернулся мгновенно. Без стука, без предупреждения. Он не кричал. Просто переступил через осколки, глядя прямо перед собой, и бросил фразу, холодную, как ледяная вода из крана:

— Убери это до того, как я вернусь. Иначе будешь собирать ртом.

Я смотрела ему вслед и не могла поверить, что он сказал «ртом» при свете обычной кухонной лампы, рядом с посудой, из которой вечером будут есть гости. Никакой тайной комнаты. Никакого свидетеля, готового возразить. Я опустила на колени, стараясь не задеть крупные черепки. Через джинсы всё равно кольнуло. Руки требовались быстрые, иначе он вернётся раньше, чем я закончу.

Кровь потекла из порезов на ладонях, смешиваясь с мыльной пеной. Я уже протянула руку к последнему крупному осколку, когда в подсобку вошла Кира Мельникова.

Она остановилась в дверях, скрестив руки на груди. Идеально уложенные волосы, дорогое кашемировое пальто поверх формы академии, улыбка, которая не достигала глаз. Она достала телефон.

— Что ты делаешь? — шепотом спросила я, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

— Записываю контент, Ася, — её голос был сладким, как карамель, в которой спрятано битое стекло. — Для сторис. «Смотрите, детишки, вот цена за отсутствие таланта». Подпишись, детка, тебе же нравится быть ничтожеством?

Камера телефона смотрела на меня, как пушка танка. Вспышка ударила в сетчатку. Я инстинктивно прикрыла лицо окровавленной рукой, но было поздно. Кира рассмеялась — тихо, удовлетворённо, как кошка, которая наконец-то загнала мышку.

— Красиво, — констатировала она. — Очень... аутентично.

Что-то внутри меня оборвалось. Тот самый тонкий проводок, который держал меня в вертикальном положении все эти годы гордости и борьбы. Я не могла больше улыбаться для камеры. Не могла быть их развлечением.

— Убирайся! — заорала я, срывая мокрую тряпку со стола и швыряя её в сторону Киры.

Ткань прошла мимо цели, шлепнувшись на кафельный пол рядом с её дизайнерскими туфлями. Кира лишь подняла бровь, делая шаг назад.

— Я ухожу, — заявила я, вскакивая на ноги. Голова закружилась, мир качнулся, но я держалась за столешницу костяшками пальцев, побелевшими от напряжения. — Плевать на контракт. Плевать на отца. Я не буду вашим рабом.

Дверь подсобки скрипнула. Из тени коридора вышел Денис. Он не спешил. Медленно, как хищник, почуявший добычу. Его взгляд метнулся от Киры ко мне, затем остановился на моих руках, испачканных кровью и мыльным раствором.

Он не защитил меня. Не сказал Кире уйти. Вместо этого он схватил меня за запястье. Пальцы сомкнулись вокруг раны, где ещё не затянулась кожа. Боль вспыхнула белым пламенем, заставив меня зашипеть.

— Ты забыла пункт 4 договора? — его голос был тихим, почти интимным, но страшнее любого крика. Он притянул меня ближе, так что наши лица оказались в сантиметрах друг от друга. Я видела в его серых глазах собственное отражение — искажённое, жалкое, растерянное. — Любое неповиновение — автоматическое исключение. Ты хочешь, чтобы твой отец прыгнул с балкона сегодня вечером?

Воздух исчез из лёгких. Он использовал мою любовь к семье как рычаг давления. Как инструмент пытки. Я знала, что он может это сделать. Знала, что деньги и связи Вольского решают вопросы жизни и смерти быстрее, чем любой закон.

Кира довольно улыбнулась, убирая телефон в сумку, и вышла, оставив нас наедине с этой тишиной.

Денис отпустил моё запястье. Синяк на коже уже наливался фиолетовым.

— Садись, — приказал он, указывая на табурет в углу. — Работай.

Я села. Не потому что хотела. Потому что тело отказалось стоять. Мир сузился до размеров одной раковины и одного источника света — тусклой лампы над ней. Всё остальное утонуло в темноте.

Я начала чистить овощи. Картофель. Морковь. Кабачки. Лезвие ножа ходило туда-сюда механически, повторяя ритм, заданный когда-то бабушкой на даче. Но сейчас это не было медитацией. Это было наказанием. Каждая секунда тянулась вечность. Голод вызывал спазмы, от которых хотелось свернуться клубком и умереть. Зрение плыло, пятна перед глазами становились всё ярче.

Передо мной замаячило лицо отца. Не реальное, а то, которое я видела во сне последние недели. Бледное, осунувшееся, с глубокими тенями под глазами. Он стоял на краю балкона нашей хрущёвки, держа в руках письмо от коллекторов.

«Прости, дочка, — шептал он беззвучно. — Я не могу иначе».

Слёзы сами потекли по щекам, капая в раковину, смешиваясь с овощными соками. Я плакала беззвучно, боясь привлечь внимание, но слёзы были слишком солёными, чтобы их скрыть. Я проиграла. Воля была сломана, как та фарфоровая тарелка.

— Пей.

Стакан с водой появился перед моими глазами. Резкий звук стекла о металл столешницы заставил меня вздрогнуть. Я подняла голову. Денис стоял надо мной, глядя на стакан так, будто предлагал лекарство умирающему пациенту.

— Если упадёшь в обморок, я вылью на тебя ведро ледяной воды, — произнёс он ровным, клиническим тоном. — Мне нужна свежая кровь для проб, а не труп.

Я взяла стакан обеими руками. По стеклу шли мокрые полосы; глотать пришлось маленькими глотками, иначе вода возвращалась к горлу. Денис смотрел, будто и эту скорость собирался оценить. Хотелось поставить стакан обратно и сказать: попробуй сам работать так, чтобы тебя трясло. Вместо этого я допила. Это было моё тело. Даже если сейчас он обращался с ним как со своим прибором.

Но вода не помогала. Она размывала сознание ещё сильнее. Перед глазами плясали искры. Я видела не овощи, не Дениса, а хаос цветов и звуков. Крики родителей из прошлого. Запах горелого хлеба. Шум дождя на крыше.

— Стоп.

Голос Дениса пробился сквозь туман, как скальпель.

Он, вернувшийся к своему столу, перестал нарезать мясо. Посмотрел на мои слёзы, падающие в раковину. На секунду в его глазах мелькнуло что-то странное. Не сострадание. Не отвращение. Интерес. Чистый, научный интерес биолога, наблюдающего за реакцией культуры бактерий.

Он подошёл ближе. Слишком близко. Я почувствовала запах его одеколона — древесный, терпкий, дорогой. Он взял мою правую руку. Ту самую, где ещё не высохла кровь от пореза, полученного на полу.

— Что ты делаешь? — прошептала я, пытаюсь отдернуть пальцы, но хватка была железной.

Денис не ответил. Он развернул мою ладонь вверх, показывая красные борозды ран, и резко прижал её к горячему боку кастрюли с бульоном, который кипел на соседней конфорке.

Боль была ослепительной. Пронзительно ясной. Она выжгла остатки тумана в голове, вернув меня в реальность с силой удара кулаком в живот. Я вздрогнула всем телом, вырывая руку с шипением. Кожа на ладони мгновенно покраснела, покрываясь волдырями.

Денис наконец посмотрел мне в глаза. Никаких извинений. Никакого раскаяния. Только холодный анализ. Он поднёс мою обожжённую руку к своему лицу и медленно вдохнул воздух. Его ноздри расширились.

— Твой страх меняет вкус пота, — произнёс он задумчиво, словно дегустировал новое вино. — Стало кислым. Неприятно горьким. Неудобно для дегустации.

Я смотрела на него, не понимая, что происходит. Боль пульсировала в руке, отдавая в виски.

— Иди в угол, — приказал он, выпуская мою руку. — Дыши ровно. Пока я не скажу «стоп».

Глава 5

Он отвернулся, продолжая работу, как будто ничего не произошло. Как будто он не причинил мне физическую боль ради эксперимента. Как будто я была частью рецептуры. Биологическим материалом.

Я поползла в угол, опираясь на менее израненную руку. Обожжённая ладонь горела синим пламенем. Я прижала её к груди, стараясь дышать глубоко, как он велел. Но воздух не входил в лёгкие. Каждое движение диафрагмы отзывалось новой волной боли.

В темноте угла, под тусклым светом единственной лампы, я слушала, как работает Денис. Ритмичный стук ножа. Шипение масла. Звук льющегося вина.

Стук ножа стих. Денис ушёл в смежный кабинет шефа, и за стеной я услышала его смех. Тихий, бархатный, довольный. Он говорил по телефону.

— Да, папа. Процесс идёт лучше, чем ожидалось.

Пауза.

— Нет, она не сбежит. Она привязана крепче, чем кажется.

Ещё одна пауза, и в его голосе проскользнула нотка одержимости, от которой мурашки побежали по спине.

— Она лучший ингредиент сезона. Её реакция на стресс даёт идеальный баланс кислоты и горечи. Я смогу вывести блюдо года.

Он засмеялся снова. Коротко, резко.

Я закрыла глаза, прижимаясь затылком к холодному кафелю. Обожжённая рука болела так сильно, что казалось, кости плавятся. Но физическая боль была спасением. Она заглушала другое знание, более страшное, чем унижение.

«Ингредиент». Я повторила слово беззвучно, чтобы не забыть. Он рассказывает отцу о кислоте и горечи — значит, мои слёзы для него уже часть удачного рецепта. Меня вывернуло от этой мысли. Я прижала ладонь к груди и стала считать вдохи, но не для него: мне нужен был воздух, чтобы дожить до смены и удержать нож. Я ещё приготавливаю блюдо, возле которого ему придётся произнести моё имя.

Но у него тоже не было шансов остаться прежним.

За стеной смех стих. Тишина стала оглушающей. Я открыла глаза и посмотрела на свою ладонь. Волдырь набух, готовый лопнуть.

Я должна выжить. Не ради контракта. Не ради отца. Ради того дня, когда я смогу заставить его попробовать этот «лучший ингредиент» на вкус собственной потери.

А пока я сидела в углу, вдыхая запах хлорки и своего собственного страха, и ждала команды «стоп», которая не приходила.

Морковь стучала по столу вместе с моими дрожащими пальцами. Я прижала локти к бокам, пытаюсь удержать нож. В подсобке холодно; через подошвы тянет так, что хочется поджать ноги, но на табурете до стола не достать как следует. Нож вылетел дважды. Второй раз попал на туфлю и оставил светлую царапину на коже обуви. Я нагнулась за ним медленнее: обожжённую ладонь уже невозможно было просто не замечать.

Желудок сводило судорогой. Не от голода — хотя я не ела с обеда — а от напряжения. Мышцы пресса каменели, пытаюсь удержать внутри тошноту, которая поднималась горлом каждый раз, когда я смотрела на гору корнеплодов. Денис Вольский приказал мне подготовить базу для своего «авторского» соуса до рассвета. Авторского. Как будто идея родилась в его голове, а не украдена у повара-старика из захолустной деревни, который теперь сидит без работы.

Я прикусила внутреннюю сторону губы так сильно, что почувствовала металлический привкус крови. Это помогло. Резкая боль перебила тупую ноющую пустоту в груди. Я снова

взяла нож. Режь. Чисти. Не думай. Просто механика. Тело может работать само, если голова молчит.

Но голова не молчала. Она шептала голосом Киры Мельниковой: «Грязная работа для грязных рук». И эхом, гулким и страшным, добавляла фразу Дениса, сказанную перед всей комиссией: «Помой нищего».

Стоило подумать о Кире, и морковь снова становилась наказанием. Я повернула корень в пальцах. Плотный. Сладкий у среза, пахнет землёй, а не её духами. Дома папа давал мне понюхать лук у корня, когда я путала сорта. Я задержалась на знакомом запахе и снова взялась за нож. Срезать кожуру тоньше. Не выбрасывать половину продукта, как на соседних столах. Хотя бы это я ещё могла делать по-своему.

Внезапно дверь подсобки скрипнула. Я вздрогнула, инстинктивно прижимая нож к груди. Сердце пропустило удар, готовясь к очередному потоку насмешек от Дениса или зловещему хихиканью Киры. Но в проеме стоял Максим Громов. Стажер. Парень, который всегда выглядел так, будто спит с открытыми глазами.

Его лицо было спокойным, почти скупающим. Он просто поставил на стол передо мной пластиковый контейнер с горячим супом и кружку чая, от которого поднимался пар. — Ешь, — сказал он.

Я замерла. Правила академии были железными: есть на рабочем месте вне графика запрещено. За это отчисляли. Денис считал любую паузу саботажем, любой отдых — слабостью. Если он узнает... Если он увидит меня здесь, с чужой едой, он не просто крикнет. Он вырвет этот контракт ключьями и выбросит в мусорное ведро вместе со мной. Страх сковал челюсти. Я не могла отвергнуть еду, но и не смела принять её.

Максим заметил мою панику. Он тихо обошел стол и встал спиной к двери, загораживая обзор из коридора. Живой щит из дешевого фартука и равнодушия.

— Шеф спит, — произнес он, не оборачиваясь. Голос был низким, ровным. — Я дежурю. Никто не войдет. Ешь быстро, пока горячее.

Я взяла ложку дрожащей рукой. Суп был простым: куриный бульон, лапша, немного зелени. Но когда первый глоток коснулся языка, меня затрясло уже не от холода. Это был вкус нормальности. Вкус заботы, которая не требовала взамен ничего, кроме моего присутствия. Я глотала еду торопливо, чувствуя, как тепло разливается по телу, размораживая онемевшие конечности. Впервые за сутки перестало ныть в висках.

Когда я закончила, Максим повернулся и посмотрел на мой недоделанный соус. Я стояла над кастрюлей, чувствуя себя опустошенной. Соус был мерзким. Пресным, водянистым, «мертвым», как говорил Денис. Но сегодня эти слова резали по живому. Я хотела выбросить его. Вылить в раковину и сказать, что всё бессмысленно. Моя гордость трещала по швам: я не могу быть тем, кто делает дерьмо даже в условиях конвейера.

— Почему ты не добавляешь кислоту? — спросил Максим, подойдя ближе. Он не смотрел на меня, он смотрел в кастрюлю.

— Там нет лимона, — ответила я автоматически.

— Лимон убьет сладость лука. Тебе нужен яблочный уксус. И капля сахара, чтобы скрыть горечь обугленного чеснока.

Я подняла глаза. Максим не тянулся к моему венчику, не отодвигал меня от плиты. Он сказал про уксус и ждал. Можно было не послушаться. От непривычного права выбрать у меня даже дыхание стало легче.

Моя рука потянулась к бутылке с уксусом. Пальцы сомкнулись на стекле. Страх снова подступил к горлу. Изменение рецепта Дениса — это нарушение сделки. Это повод для исключения. Но взгляд на пресную жижу в кастрюле был сильнее страха. Если я оставлю это как есть, блюдо будет провальным, и Денис снова уничтожит меня публично. Лучше рискнуть сейчас, чем быть раздавленной завтра.

Я капнула уксус. Всего три капли. Потом чуть-чуть сахара. Перемешала. Попробовала.

После уксуса я снова облизнула ложку и замерла: лук наконец перестал тонуть в жире. На языке сначала сладость, потом короткая кислинка; хотелось взять ещё, проверить, не показалось ли. Я взяла. И улыбнулась кастрюле раньше, чем успела испугаться двери. Вот так. Именно так я хотела её исправить. Это можно было подать человеку, а не прятать за дорогим названием.

Дверь распахнулась с грохотом.

Я резко обернулась, выронив ложку. Денис Вольский стоял на пороге. Он пах дорогим парфюмом, табачным дымом и властью. Его костюм был идеально выглажен, несмотря на поздний час. Он смотрел на меня своими серыми, как зимнее небо, глазами — без ярости и крика. Именно это пугало больше всего.

Максим отступил в тень, растворяясь в фоне, словно его никогда не было.

Денис медленно подошел к столу. Его взгляд скользнул по пустому контейнеру из-под супа, затем остановился на кастрюле с соусом. Он взял ложку. Макнул в соус. Поднес ко рту.

Тишина была оглушающей. Я слышала только свой пульс в ушах, быстрый и испуганный. Я готова была к удару. К оскорблению. К тому, что он выльет это обратно в раковину и заставит меня есть.

Денис прожевал. Сглотнул. Его лицо исказилось — не от отвращения, а от шока, который он тут же постарался замаскировать презрительной гримасой. Он снова попробовал. Медленно, оценивающе.

— Случайность, — процедил он. Голос был сухим, как наждачка.

Но он не выбросил соус. Он не сказал, что я нарушила правила. Он просто взял кастрюлю за ручки, как свой трофей, и развернулся к выходу.

— Завтра в шесть, — бросил он, не оборачиваясь. Его голос звучал жестче, чем обычно, в нем была нотка чего-то личного, угрожающего. — Если опоздаешь хотя бы на минуту, твой отец узнает, где именно ты ночуешь.

Дверь хлопнула, отрезав свет коридора. В подсобке снова стало темно и холодно. Но теперь этот холод не кусался. Во рту всё ещё ощущался странный, терпкий привкус яблочного уксуса. И впервые за неделю я уснула, сидя на полу, прислонившись спиной к холодильнику, чувствуя вкус еды, а не страх.

Глава 6

Тишина подсобки давила на уши тяжелее, чем шум кухонной вытяжки. Я стояла у плиты, глядя на кастрюлю с деми-гласом, который Денис Вольский бросил на стол как мусор. «Отстой для мусорного ведра», — процитировала я его голос в голове. Он даже не удосужился посмотреть на меня перед тем, как уйти. Просто хлопнул дверью, оставив запах дорогого парфюма и моего унижения висеть в воздухе, густым, как этот сам соус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.